

Е.А. ЗАЧЕВСКИЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Поговорим о странностях любви

Ещё со времён античности парадигма «люблю и ненавижу» определяет строй любовной лирики, так как сущность человеческая, каким бы мощным ни было воздействие на неё достижений мировой цивилизации, остаётся в своих основных проявлениях неизменной. Любовная лирика XXI века не является исключением, что и подтверждает лирическая поэма Александра Никифорова «Пачка манчестера» с эффектным подзаголовком «Двадцать стихотворений без фильтра»², как бы приуготовляющим читателя к тому, что здесь всё будет начистоту, без утайки. Действительно, так оно и есть. Правда, открытость этой поэмы односторонняя, касающаяся самого автора, и в этом можно усмотреть дань русской литературной традиции («и дай вам бог любимой быть другим»), хотя сама поэма написана в далеко нетрадиционном стиле, и в части деликатности по отношению к ушедшей любимой поэт нет-нет да и сорвётся, назвав её «медузой, которую проще убить, чем навек расстаться», а утрата её равна брошенному возлюбленным «рваному полукеду». Когда поэт публикует свои стихи, да ещё стихи любовные, да ещё окрашенные чувством расставания, он достаточно рискует, ибо в этом случае его чувства теряют личную неприкосновенность, а полагаться на благородство читателя особо не приходится – ему только и подавай «душевный стриптиз», что, собственно, и делает поэт. Храбрый он человек, Александр Никифоров.

Заноза в сердце – вещь неприятная, и поэтому пойдёшь на всё, чтобы от неё избавиться. Каждый по-своему справляется со своей напастью. Александр Никифоров прибегнул к испытанному средству – к стихам. Это своего рода словотерапия. Человеку надо выговориться, выпустить пар. Выговориться-то он выговорится, но неприятный осадок всё же остаётся. Понимая это, Александр Никифоров пытается как-то убедить себя в неизбежности случившегося, и поэтому в его словах ощущается некая бравада, что выражается в обилии разговорной лексики («наколот», «покудова», «отсюдова», «бацать»), которая в сочетании с классическими формулами, пускай и в его собственной интерпретации, должна как-то снять накал страстей. Буквально в нескольких строках ему удалось соединить две известных фразы: Маяковского «если звёзды зажигаются, значит, кому-то это нужно» и Лотреамона «встреча на операционном столе зонтика с пишущей машинкой»:

...я наблюдал, как падает лучшая в небе стелла.
Я зажигал другую, кому-то, наверно, нужно,
чтобы она горела, пока не зевнёт фрамуга,
покудова дверь за спиной не споёт натужно
аршо лампы и чайника, песню юга [с. 507].

Этот стихотворный зачин определяет всё последующее действие и героев поэмы. Со «стеллой» всё понятно, это предмет любви поэта, хотя, вероятно, «стеллу» лучше бы представить в латинском написании Stella, тем более что в дальнейшем мы встречаем несколько иноязычных слов в оригинальном написании («got married», «I love you», «SOS»), а то народ подумает, что речь идёт о памятной стеле (кого волнует правописание). Здесь же обозначена ещё одна дама сердца поэта – «песнь юга», она же в дальнейшем «податливая южанка» с залихватским акцентом «щас я...». Сам поэт предстаёт в образе «чайника», в чём можно убедиться в страстном панегирике чайнику и его хозяину:

Чай никогда не остынет, пока есть чайник
или же горло моё, что одно и то же.
Оба свистят в квартире, оба рисуют чаек
бровями домашних и обжигает кожу.
Два неприметных никем и ничем предмета
обогреваются рядом, цenia соседство.
И если один уходит в сторону туалета,
значит, что цель оправдывает средство.
Братья по жажде, вздыхая, пускают струйки,
только покоя в лимонной ища подкове.
Если есть ручки, то значит должны быть руки.
Чай никогда не остынет. Остынет кофе [с. 510].

Что касается Маяковского и Лотреамона, то пастись в чужом огороде также не было зазорным испокон века. Интертекстуальность, модное слово, пущенное одной болгарской дамой, плохо знавшей античность и потому решившей, что это она открыла это явление, вещь вполне обычная в писательской

² Никифоров, А.А. Пачка Манчестера (двадцать стихотворений без фильтра) / А.А. Никифоров // Проблемы истории литературы. Выпуск двадцатый. – Москва – Новополюцк, 2008. – С. 507 – 513.

практике, но в данном случае не очень оправданная, хотя и не без посылки. Надо полагать, поэт хочет этим сказать, что дальше будут полыхать пожары души, однако пожары эти носят характер бытовых неурядиц, которые в силу неизменной повторяемости – отсюда и камелёк едва теплится – не вызывают особых нареканий поэта. Но сейчас, когда на сердце чёрт знает что творится, и эта бытовая малость вызывает раздражение. И тогда в ход идут гневные филиппики по этому поводу, а, в сущности, любовная обида выражена не напрямую. Александр Никифоров умеет выжимать из повседневной мелкоты образные приметы, которые могут неожиданно засверкать как драгоценные камни, хотя и не очень хорошо обработанные, вроде этих строк:

Но глаз не обманешь, и ниточка капилляра,
лопнувши, сводит с ума экватор глазного шара.
Так появляются меридианы, широты, место
покорённого веком зрачка – серого Эвереста,
что устремляется в небо взглянуть воочью,
как там темнеет и часто – не только ночью.
Так появляется капля (откуда-то из-под брови),
влага без колера, капля бесцветной крови,
что позволяет мне лицезреть одинокий вид на
жизнь, что менее вероятно, более – очевидна [с. 513].

По крайней мере, чувствуется, что направление избрано правильное, и нужно только совершенствовать найденный метод. Самоирония во многом определяет тональность поэмы Александра Никифорова, и хорошо, что сожалительная часть лишена каких-то конкретных обид. О таких тонких вещах, как раненые чувства, лучше говорить обиняками. Словами, далёкими от любовной конкретики, потому что от этого суть высказывания становится более пронзительной. Ведь дело не в том, чтобы вызвать сочувствие страдающему человеку, выражение которого может принимать самые необычные формы, отчего само страдание становится более воспринимаемым и понятным вообще, а не в его частностях. Другое дело, что эти частности замещаются бытовой предметностью далеко не поэтического свойства, вроде таких строк: «Не стыдно снимать трусы в присутствии беспорядка, // нюхать носки» [с. 510]. Или: «Вновь зажигаешь плиту (некого больше), в помощь // ставишь свой чайник с евонным бурлящим стоном. // Ложкой взболтнув, старой заваркой поишь // сердце без сахара, но – с лимоном» [с. 512]. Жёсткий бытовизм иносказательно передаёт состояние человека, находящегося в полнейшем раздоре чувств. Отсюда оборванность фразы, недоговорённость, обилие повисших посылок, смысл которых не всегда удаётся понять, более того, даже вызывает некоторое раздражение в силу непривычных сочетаний, находящихся на грани стилистической небрежности, а то и просто безграмотности. По крайней мере, сложно определить, что имел в виду поэт, говоря о мести времени, которое «мстя по дороге (в сердце и ниже твоём) прохожому» [с. 509]. Бог с ним с прохожим, но как это время разделяется с любимой? Сердцу мстить можно, а вот «ниже твоёму» – чему «ниже», чему «твоёму»? Анатомические нескладушки ощущаются и в таких строках: «Я не терял надежду и прочие части тела, // особенно те, с которыми не был дружен» [с. 513]. В том, что с частями тела у поэта всё в порядке, я лично смог убедиться, однако «надежду», которую он считает составной частью своего телосложения, я не смог обнаружить в силу того, что видел Александра Никифорова только одетым. Поэты люди особенные, наверное, мать-природа наделила их и такой частью тела, но местонахождение её современной науке неизвестно, а сам он прячет её от дурного глаза. Я так думаю, что в момент написания этих строк птеродактиль, превратившийся по воле Александра Никифорова из голубя в это доисторическое чудовище, «какнул не только на Дарвина», как об этом сообщается в стихотворении, но и на самого поэта, что и привело к созданию таких заумных строк.

Александр Никифоров достаточно вольно обращается с некоторыми известными вещами, наделяя их другими качествами. Так, сердечная мышца превращается в «сердечную мышшь», и в этом есть определённый смысл, несмотря на явную нелепицу, ибо сердечная боль воспринимается поэтом как некий надоедливый скрип, постоянный шорох в груди, который нужно как-то утихомиривать, свести на нет. Отсюда возникает образ мыши, удовольствовавшейся кусочком сыра, и сыр этот – надежда, не покидающая поэта в тяжкую минуту [с. 513].

В принципе в поэме Александра Никифорова всё узнаваемо, только эта узнаваемость затруднена смещением понятий и обилием намеренных нарушений фразеологических словосочетаний, смешением их составных частей, когда фразеологический оборот разлагается на составные части, каждая из которых начинает жить самостоятельной жизнью, вступая в связи с такими же отдельными частями других фразеологических оборотов, что создаёт новые необычные словосочетания.

Всё это можно назвать попыткой разобраться с собой и с поэзией на свой лад. В заключительных строках своей поэмы Александр Никифоров, сравнивая себя с золотым руном, которого, надо полагать, потомки будут когда-нибудь домогаться, обращается сам к себе с призывом: «Думай о золоте строчек,

руне, судьбе – // без шерсти ещё – но уже барана» [с. 514]. Последнее утверждение свидетельствует о намерении поэта положить свою жизнь на алтарь поэзии ради того, чтобы благородная «шерсть» его стихов согревала души потомков и звала их приобщиться к высокому искусству.

Трудно сказать, как будут обстоять дела с выработкой поэтической шерсти в далёком будущем. Однако новая подборка стихов Александра Никифорова «Забывтая колыбельная»³ говорит о том, что определённые подвижки в технологии обработки данного продукта имеются на лицо. В тематическом отношении эти стихи всё о том же, о происшедшем расставании, однако тональность их на порядок ниже прежних. Дело сделано, потерянного не вернуть, и теперь остаётся лишь одно – зализывать раны, сиречь петь колыбельные себе любимому и несостоявшемуся счастью. В стилистическом отношении стихи Александра Никифорова претерпели известные изменения, при этом в лучшую сторону. Меньше истерики, больше размышления, меньше языковых несуразностей, объяснимых шоковым состоянием покинутого, больше языковых находок, хотя рецидивы прошлого иногда дают знать о себе.

Размышления своеобразные, в папиросном дыму, потому что всё *to end in smoke*, отчего это всё воспринимается не так остро, с некоей элегической грустью, да и сам автор признаётся в стихотворении «Smoke ship», что он «озабочен обликом // или же облаком» [с. 1], то есть неким фантомом любви, о котором и «вспомнить нечего» [с. 2]. Отсюда возникают приземлённые и даже обидные суждения о прежних любовных отношениях: «Без тебя и меня обойдётся труба фабричная» [с. 2]. Мол, они настолько были нестojащим занятием, что даже труба фабричная проигнорировала их. Хотя какое ей дело до любовных страданий? Она по определению не способна сострадать, даже если у её подножья и происходили тайные свидания поэта с его дамой сердца.

Здесь что-то не так. Не зря Минздрав предупреждает, что курение опасно для жизни. Чрезмерное курение опасно и для поэзии, в чём можно убедиться, ознакомившись с рассуждениями Александра Никифорова о том, что «возможности смыться [от памяти – Е. 3.] отдалены», как всякие там Джомолунгмы и прочие недосыгаемые страны. В качестве предела этой недосыгаемости выступает гипофиз, и здесь возникает страшное сомнение – а не травку ли курил поэт, ибо нынешний табак в силу своей слабой кондиции не способствует залёту поэтической фантазии в неизведанные дали:

Не говоря о гипофизе. Мозжечок
так недоступен, что глаз пытается
обернуться вовнутрь и, на бочок
уложив всё тело, стерев со щёк,
погрузиться в то, чем Фрейд до сих пор питается [с. 3].

В этих строках всё загадка: и то, как произошёл заворот глаза вовнутрь, и кто кого положил на бочок – глаз или поэт, и что при этом было стёрто со щёк, и, наконец, радостное сообщение с того света – Фрейд-то оказывается и в могиле не червей питает, а сам чем-то питается, ибо Фрейд живее всех живых. Здесь надо немного передохнуть, потому что потом произойдёт нечто такое, что начинаешь беспокоиться за поэта, да на всякий случай и за себя:

... Слаще всех
попытка кусить от глазного яблока
с древа сознания. Первый грех
Остаётся за мною [с. 3].

Само по себе обыгрывание библейской мудрости любопытно, но как далеко шагнула эволюция человека! Прародительница питалась лишь фруктами, и то сколько бед накликала на человечество, хорошо хоть оно сохранилось как вид, а Александр Никифоров желает кусить человечинки, так, смотришь, и планета обезлюдится.

Конечно, стремление поэта к необычным формам, различным аллюзиям говорит о наличии таланта, о способности находить необычные связи, но при этом не надо забывать и о смысле, ибо в данном случае он витает где-то над вершинами Джомолунгмы, если его не затащило в «чёрную дыру» Вселенной. Ассоциативный ход рассуждений Александра Никифорова разорван, фрагментарен, это особенно заметно в одноименном стихотворении, но из кубиков не складывается внятная картина. Стремление создать необычный образ оборачивается невнятицей, которая, может быть, и понятна автору, но читателя оставляет в недоумении. Герметичная поэзия – довольно опасный способ общения с читателем, ибо он волен истолковывать её, исходя из своего видения текста, которое не всегда совпадает с авторской мыслью.

Куда большей открытостью обладает стихотворение «Забывтая колыбельная», давшая название всему циклу стихов. Здесь много неплохих находок, вроде «стихотворений», когда перестановка одной

³ Цикл «Забывтая колыбельная» еще не опубликован.

буквы передаёт общий настрой всего цикла, ибо речь идёт об одном и том же – о случившемся расставании, и о способе выражения этого события; или такая фраза: «неприкрытой нежностью из конверта – // воспоминанье», в которой ощущается огромное половодье чувств; или такие строки, как «Можно открыть фрамугу, взглянуть воочью, // как расстояние в три с небольшим километра // огромно ночью», в которых пронзительно звучит мысль о предельной невозможности возврата к прошлому. И поэтому «Звёзд теперь меньше на небе, чем звёзд повисших // на фонарных столбах», и поэтому любимый всеми поэтами образ выступает в неприглядном виде – «месяц своим перекошенным сонным веком», и поэтому, наконец, поэт так дорожит каждым мигом своего прежнего счастья: «Оттого ли пытаемся в сумерки наших встреч // спрятать всё то, что могли сберечь?».

Это всё мимолётности, наплывы, проблески, спонтанно возникающие и также исчезающие. Из них возникает некая история любви, которая никогда не закончится несмотря на реальные приметы конца. Неотвратимость прежнего чувства будет ещё долго питать поэзию Александра Никифорова, и здесь уж ничего не поделаешь. Но эта же неотвратимость придаст ему, будем надеяться, новые формы и новое дыхание.

В поэзии любой читатель является своеобразным соперником поэта, ища и находя в его стихах отзвуки собственной жизни, как бы они ни были далеки от авторской мысли. В этом смысле мои рассуждения о стихах Александра Никифорова не есть истина в последней инстанции. Варианты возможны.